

Первые организации. Их состав.

Образование первых организаций фашистов совпадает с тем заключительным периодом войны, который отделяет заключение перемирия от окончания войны. Нам, вероятно, придется еще вернуться к этому периоду зарождения фашизма в Италии,—здесь же мы отметим вкратце, что роды его прошли не совсем гладко. Было много трений и разногласий внутри самих инициаторов движения.

Первой попыткой интервенционистов, спасавших свое положение,—было сконцентрировать и усилить вокруг их газеты «*Popolo d'Italia*» (теперь — центральный орган фашистов и их вождя Бенито Муссолини) движение «бывших участников войны», объединившихся в национальную организацию. Но, вследствие разногласий между вождями, из этой затеи ничего не вышло. Тогда интервенционисты обратили свои взоры на миланский «Комитет действия увечных и раненых воинов» («*Comitato d'Azione fra Mutilati e Invalidi e feriti di guerra di Milano*»). Но случилось так, что между лидерами интервенционистов и главарями упомянутой организации обнаружились большие разногласия по вопросам внешней политики, и эта попытка также не дала никаких положительных результатов.

Тогда бывший социалист Б. Муссолини приступил к организации самостоятельных фашистских групп, получивших название «*Fasci di combattimento*» («Боевые союзы»).

Здесь будет своевременным раз'яснить филологическое происхождение названия этого движения, приобретшего столь шумную, но, вместе с тем, столь печальную славу во всем мире.

Слово «*fascio*» (по-русски произносится «фашио», — только одно время почему-то в русской прессе ошибочно писали «фачи», «фачисты») имеет в итальянском языке много значений — буквальных и иносказательных. Буквально «*fascio*» значит — пучок, связка. Иносказательно: кружок, группа, союз, банда, что, больше всего, соответствует польскому «*związek*». Не только в русской, но и в иностранной прессе название фашистов производилось от ликторского «пучка розог», (который, с вложенной в него секи-

рой, как известно, в древнем Риме являлся эмблемой твердой, карающей государственной власти). Беспрестанные жалобы фашистов на безволие и слабость государственной власти в Италии делали отчасти правдоподобным такое объяснение, но все же оно неправильно. На их значке нет ликторского пучка, а есть сноп, который символизирует тесное содружество фашистов.

Итак, когда попытки всецело приспособить к своим целям существовавшие уже в Италии организации увечных воинов и бывших участников войны, не удалась, — Муссолини личными усилиями удалось организовать эти «*Fasci di combattimento*», которые и являются первыми группами фашистов в Италии. Следует отметить, что первый период деятельности этих групп был направлен исключительно в сторону внешней политики, — и только впоследствии занялся «вплотную» внутренним делами Италии.

Кто же наполнил собою ряды этих первых фашистских организаций? Сваливать в данном случае все дело на «пылкую, патристическую учащуюся молодежь, возмущенную национальным унижением Италии», которой война не принесла осуществления ее давнишних идеалов, — как об этом любят распространяться идеологи фашизма и даже многие из его благожелательных критиков, — конечно, не приходится. Само собою разумеется, что если этим идеологам приходится подменить определенную социально-политическую программу набором фраз, то особенно много трескучих фраз ими произнесено и произносится в связи с «унижением» Италии, предательством союзников, оскорблением национальных идеалов, великими и славными традициями Италии, забытыми или грубо попранными в «наш материалистический век». Я должен предупредить читателя, что фашистское красноречие, вообще, — вещь очень тяжелая и утомительная. Он познакомится с ним особенно близко по речам главного — если не единственного — «теоретика» фашизма — Бенито Муссолини. Красноречие, вообще, действует на воображение пылких итальянцев, — особенное же действие оно производит на молодежь. Ловкие инициаторы фашистского движения учли и использовали это обстоятельство. Они стали искать себе прозелитов преимущественно в среде зеленой молодежи, — особенно той, которая побывала в окопах и на которую всякая патристическая проповедь действует, как трубный звук на кавалерийскую лошадь. Вот почему, — в самом начале фашистского движения его вожди любили всюду заявлять о том, что их опорой является «цвет итальянской молодежи».

Так, Р. Мондольфо, выпустивший под своей редакцией целую серию книг о фашизме, говорит в своем вступительном очерке «К вопросу об историческом понимании фашизма» ¹⁾ о роли молодежи следующее:

¹⁾ R. Mondolfo, — „Per la comprensione storica del fascismo“, 1922 г.

«Это специальное движение молодежи (отсюда его стремительный и нервный характер) объясняется теми условиями, которые были созданы мировой войной для юношей и подростков, часть которых выносила исключительно тяжкие лишения в окопах, а другая, оставаясь дома, за отсутствием более взрослых членов семьи, была вынуждена взвалить на свои неокрепшие плечи трудные заботы. «Nous avons grandi!» («Мы рано созрели!» могла бы повторить за Виктором Гюго современная молодежь. И это случилось сразу, без постепенной подготовки, помощью которой подросток превращается сначала в юношу, затем, — взрослого человека. Нужно еще принять во внимание, что те из них, которым пришлось на войне выполнять ответственные, распорядительные функции, только с большим трудом могут вернуться к повиновению. Вместе с потрясением традиционных основ семьи и общества появляется и та стремительность, неуравновешенность и отступление меры, которыми характеризуются последние выступления (надо понимать: фашистов)».

В этих утверждениях есть доля истины. Много молодежи, вышедшей из мелкобуржуазных семей и достигшей на войне разных чинов и почестей, не захотело вернуться к скромному труду конторщиков, учителей, техников и даже мелких адвокатов, — тем более, что Италия уже давно, как мы сказали, страдала невероятным перепроизводством представителей этих профессий. Уже до войны естественным клапаном для задыхавшейся в тисках безработицы и пренебрежения со стороны окружающих интеллигентной молодежи являлось занятие журналистикой и политикой. В Италии почти нет студента, который не пробовал бы своих сил в журналистике или писании цветистых стихов; почти нет ни одного молодого адвоката, который не стучался бы в двери Монтечitorio (место, где заседает Палата депутатов) и не участвовал в тех или иных политических комбинациях. В частности, социалистические партии в Италии задыхались от этого огромного числа «Mittläufer»'ов и, благодаря этому, совершенно утратили рабочий характер. В настоящее время безработными инженерами и неудавшимися докторами или адвокатами в достаточной мере изобилуют и коммунистическое, и анархистское, и синдикалистское движение. Эти печальные экономические условия, в которых приходится жить итальянской молодежи, привели к тому, что Италия явилась классической страной политического ренегатства. Наряду с отдельными выдающимися натурами и исключительными характерами, беззаветно отдавшими свои силы служению пролетариата в рядах анархистского, синдикалистского, коммунистического или социалистического движения, Италия знает исключительно много случаев измены и предательства своим идеалам со стороны представителей революционной интеллигенции, нередко порождавших в свою очередь, глубокое разочарование в рядах молодежи, отворачивавшейся навсегда от социализма или анархизма. Парламентские нравы, всюду и везде на Западе вно-

сящие глубокое разложение в ряды интеллигенции, достигли особенного падения в Италии. Ни для кого не секрет, что именно фашизм дал бесконечно много таких примеров отвратительной измены и ренегатства. Среди фашистских лидеров, депутатов, журналистов и даже рядовых погромщиков вы насчитаете немало бывших социалистов и анархистов. Перепархивание из левого лагеря в черный стан фашистов или консерваторов в Италии бытовое явление, которому никто не удивляется и которым никто не... возмущается.

Лучшим символом такого позорного ренегатства является, впрочем, сам верховный вождь фашизма («Il Duce del fascismo», как его почтительно именуют сторонники), бывший социалист Бенито Муссолини, положивший отпечаток политического ренегатства на все фашистское движение. Но о нем — ниже. Усталость и разочарование, вынесенные «окопной» молодежью из войны, послужили источником ее резкого политического расслоения; с одной стороны, наиболее сознательная часть ее, под влиянием вихря революционно-коммунистических идей, доносившихся в Италию из России, Баварии, Венгрии и др. стран, окончательно порвала с патриотическими идеалами, перестала думать о поправке национальных прав Италии и стала искать выхода из тяжкого экономического положения родины в классовой революционной борьбе за идеалы коммунизма или анархизма. На другую же часть молодежи усталость подействовала развращающе. Лишенная определенных устоев, она привыкла на войне к паразитическому существованию; ей захотелось продолжать этот образ жизни, когда война кончилась. Чтобы оправдать его, понадобились трескучие фразы, красивые (в лубочном стиле) патриотические позы и абсолютная политическая беспринципность. Всего этого оказалось вдоволь у фашистских лидеров. Слишком энергичные юноши, которым приходилось снять оружие, чтобы за прилавком или конторкой тянуть отныне лямку весьма прозаического прозябания, готовы были предпочесть все, что угодно, столь мрачной перспективе. Чтобы остаться, «военным», чтобы так или иначе «выделиться» из толпы, из массы равных им по социальному положению людей, они готовы были на любое политическое ренегатство. А, ведь, одной из отрицательнейших черт буржуазной молодежи всегда и во всех странах было это стремление во что бы то ни стало «выделиться из своего круга».

Но война развратила не одну буржуазную молодежь. Солдатская профессия действует растлевающим образом и на широкие рабочие и крестьянские массы, поставленные под ружье. Многие из бывших солдат, вернувшись в деревню, заставляли разоренное их долгим отсутствием хозяйство. Оторванные от станка рабочие, возвращаясь в города, часто заставляли ворота своего завода. вследствие сокращения военного производства, запертными и падали, обессиленные в борьбе с ужасами безработицы. Среди этих элементов ловкие вожди и дельцы фашизма и сумели собрать

обильную жатву, вербуя их в свои squadre (наемные отряды ¹⁾. Другие уходил и уходят в ряды так называемой королевской гвардии (guardia reggia ²⁾), вспомогательной полицейской армии, которую итальянское правительство стало организовывать после того, как выяснилось, что трудно положиться на регулярную армию в деле усмирения революционных рабочих и крестьян.

Фашистские лидеры ловко использовали и это политическое расслоение и временное противоречие экономических интересов в среде самих трудящихся масс Италии. И надо отдать им справедливость: не решаясь открыто объявить задуманное ими наступление на революционный авангард трудящихся масс, они, искусно подготавливая его, сумели взять инициативу в свои руки.

Наступление фашизма в Италии следует разбить на 3 стадии:

1) Борьба за «национальное величие» Италии, ущемленное мирными договорами и предательством союзников (соревнование в области внешней политики с др. странами).

2) Борьба против избирательных успехов социалистов и захвата последними в свои руки муниципалитетов, сельских коммун, кооперативов и т. д. (политическая борьба внутри страны).

3) Борьба против попыток социальной революции в стране и против занесенного с Востока «ленинизма» (классовая борьба с рабочими и крестьянами внутри страны). Во главе нарождавшегося фашизма стояли слишком опытные политические дельцы (многие из них — бывшие социалисты), чтобы не чувствовать того огромного сдвига в социально-политической жизни всей Европы, который принесла с собой война. Удельный политический вес трудящихся масс внутри каждого государства, в том числе и Италии, вырос непомерно. Обаяние освободительных лозунгов, не только написанных на знамени, но и осуществленных частично трудящимися массами России, неизбежно окрасивших в революционный цвет все международное рабочее движение, было слишком велико, чтобы можно было открыто объявить поход против них. Напротив, нужно было, как можно искуснее замаскировать свою социальную ненависть к трудящимся массам трескучими и лживыми фразами из обычного арсенала патриотического жаргона. На первых порах фашизм и пытался завоевать себе право гражданства в Италии под прикрытием лозунгов, объединяющих якобы интересы всех итальянцев в области внешней политики, закутавшись в плащ защитника общенародных интересов. Нужно было найти людей, которые решились бы отдать весь свой талант, всю свою энергию, всю свою личную храбрость, всю свою изворотливость для того, чтобы, ловко обманув широкие массы проповедью

¹⁾ Каждый рабочий, мобилизуемый фашистами, получает жалованье, равное приблизительно прожиточному минимуму данной местности, и, кроме того, право ношения оружия.

²⁾ Эта армия, по численности, значительно превосходит регулярную. Если последняя исчисляется в 200 тысяч чел., то в состав королевской гвардии входит не менее 400 - 500 тыс. солдат.

общих интересов, посеять среди них раздор и ненависть и отвлечь их внимание от их непосредственного врага — итальянских помещиков, фабрикантов и банкиров. История в таких случаях всегда бывает услужливой. В лице типичного политического ренегата и беззастенчивого авантюриста, ничем не брезгающего, человека, не могущего простить бывшим единомышленникам своей неудачной карьеры и уязвленного самолюбия, — одним словом, в лице Бенито Муссолини такой вождь нашелся.

V.

Бенито Муссолини.

Муссолини — единственное европейское имя, выдвинутое фашизмом за 3½ года его организованного существования. Это обстоятельство, между прочим, достаточно красноречиво характеризует полнейшую идейную несостоятельность этого движения. Описаниями подвигов фашистов газеты наполнены ежедневно, но ни в парламенте, ни в прессе, ни в какой-либо другой области общественной жизни Италии они не сумели выдвинуть ни одного имени, кроме Муссолини, которое приобрело бы хотя бы такую же печальную европейскую популярность, какой окружено имя вождя фашизма. Нельзя говорить даже о «двух» европейских именах, как это пытаются делать некоторые апологеты фашизма, ставя рядом с Б. Муссолини и поэта д'Аннунцио, по той простой причине, что имя д'Аннунцио пользовалось солидной литературной славой в Европе еще до войны. Помимо того, что «д'аннунцианский» или «фиуманский» фашизм не всегда (это можно наблюдать особенно в настоящее время) живет в ладу с муссолинианским, помимо того, что первый до сих пор старается скрыть свою истинную классовую сущность (всем памятна заигрывания д'Аннунцио с большевизмом, анархизмом и синдикализмом, продолжающиеся до сих пор), — позволительно сомневаться в том, чтобы фиуманские подвиги д'Аннунцио доставили ему столь шумную известность, если бы у него не было уже раньше славы национального поэта.

Во всяком случае, тот широкий, массовый фашизм, который мы рассматриваем, как попытку организовать в Италии «предварительную контр-революцию», — т.-е. черным террором, провокацией и изменой предотвратить наступление социальной революции в Италии, — выдвинул только одно европейское имя, которому стоит уделять внимание, — имя своего основоположника и постоянного вдохновителя — Б. Муссолини.

Мы надеемся проявить максимальную объективность, дав характеристику Муссолини и его духовный портрет по фашистским источникам (его физический портрет, который во многих отношениях говорит сам за себя, мы извлекли отсюда же). Нам уже

приходилось отмечать, что излагать «теорию» фашизма гораздо лучше по произведениям самих фашистов, обнаруживающих полную ее несостоятельность, чем по книгам и статьям иных лукаво мудрствующих критиков, пытающихся построить эту теорию за фашистов. То же относится и к характеристике его вождей и рядовых деятелей. Читая свои биографии, вышедшие из-под пера его нынешних единомышленников, бывший социалист Муссолини, должно-быть, не раз глубоко вздыхает и приговаривает: «Избави меня, бог, от друзей, а с врагами я сам справлюсь!» Думаем, что этой же фразой он в душе поблагодарил своего друга и ближайшего соратника, Пьетро Горголини, который в своей книге «Фашизм в жизни Италии» ¹⁾ отводит ему исключительное место, правильно величая его не только вождем, но и творцом итальянского фашизма.

Несколько слов об этой книге, к которой нам придется еще возвращаться, ибо это, несомненно, самое капитальное произведение из всего, что дано фашистской литературой и с чем мы имеем возможность познакомиться.

К сожалению, мы не знакомы с биографией самого писателя. Мы знаем только, что он — фашистский «капитан», т.-е., кроме пера, умеет еще владеть и фашистской дубинкой («bastone»), прогуливающейся по спинам итальянских рабочих, револьвером и пр., при чем есть все основания думать, ознакомившись с его произведением, что дубинкой он владеет гораздо лучше, чем пером. Фашистский «капитан» — это много больше нашего прежнего штабс-капитана, но Горголини в своей книге умел проявить всю пылкость и всю наивность души молодого городского, произносящего восторженный тост в день ангела своего начальства. По возвышенности стиля и глубине чувства только с таким тостом может сравниться написанная им биография Муссолини, которую мы даем здесь, в извлечениях. Когда же почтенный капитан переходит к изложению политической и экономической программы фашизма и к разрешению, с точки зрения фашизма, ряда мировых проблем, то нетрудно усмотреть из его писаний, что с пылкой, непосредственной душой городского, «усмиряющего» забастовку, он соединяет еще и эрудицию брандмейстера. Любопытно, в каких выражениях аттестует эту книгу сам виновник торжества — Б. Муссолини в своем предисловии к ней:

«Фашизм имеет не только кровопролитную и блестящую историю, увенчанную ныне победой, но начинает обзаводиться и богатой литературой. Почти все итальянские писатели пытались изучить это столь сложное и мощное движение, исключительно национальное и истинно-итальянское, по своему духу не встречающее себе равного в истории других народов. Наш друг капитан Пьетро Горголини выступил на арену борьбы с этой книгой, которая, по нашему мнению, представляет

¹⁾ Pietro gorgolini, „il fascismo nella vita italiana“, con prefazione di Benito Mussolini, — Torino, 1922 г.

собою лучшее из всех произведений о фашизме, какие только появлялись в Италии, начиная с марта 1919 года (курсив Мис.). Горголини не только изучает фашизм, он бьется в наших рядах с момента возникновения движения. Эта его особенность могла бы помешать об'ек-

Бенито Муссолини.

Вождь фашизма,—до войны—редактор «Аванти» и один из лидеров итальянского социализма.—Премьер Италии.

тивности его работы и внести в нее дух пристрастия. Следует признать, что Горголини прекрасно справился с этим затруднением и что в его книге боец и критик, деятель и зритель великолепно дополняют друг друга. Самая элементарная скромность запрещает мне говорить о всей первой части книги, посвященной моей личности...»

Горголини уделяет, на самом деле, весьма скудное место биографическим данным о Муссолини. Очевидно, в жизни этого великого «Человека, Гражданина, Трибуна, Кондоттьера и Мыслителя, Того, Кто спас Nation от большевистской опасности» (всюду с прописной буквы), как он называет Муссолини, не было ничего замечательного, кроме актов неслыханного политического ренегатства, и потому он дает больше простора своей фантазии и рвению прозелита в части, посвященной его нынешней характеристике своего вождя.

Итак, Бенито Муссолини родился в 1883 году, в Предаппио (Форли). Получив на родине диплом учителя начальной школы и посвятив еще несколько лет самообразованию, он эмигрировал в Швейцарию, где поселился в глухой романской деревне.

«Обладая темпераментом, не выносящим малейшей человеческой несправедливости,—продолжает биограф М.,—воспитанный в духе здорового (!) социализма отцовской школы, он, живя в стране Вильгельма Телля, из ежедневного соприкосновения с действительностью и особенно из ознакомления с социальными и экономическими науками, которым он отдался со всей своей ненасытной любознательностью, постиг все величие гражданских войн и всю сложность социальных проблем. Получив степень доктора французской литературы и став редактором боевого революционного листка, на страницах которого он занялся резкой пропагандой марксизма, Муссолини был выслан федеральными властями из пределов Швейцарской республики в качестве нежелательного иностранца. Вернувшись на родину, он с жаром продолжал заниматься журналистикой на столбах социалистической прессы, отдавая особенно много сил крупному социалистическому органу, выходившему в провинции Эмилии. Благодаря своему блестящему дарованию и любви, которой он пользовался среди своих единомышленников, он вскоре стал одним из выдающихся деятелей итальянской социалистической партии. Одержав блестящую победу на Анконском конгрессе (где Муссолини выступал на защиту «официального» ¹⁾ социализма), Муссолини получает назначение на пост редактора центрального органа партии «Avanti». В самом начале мировой войны, руководимый своим острым политическим чутьем, Муссолини, вместе с Филиппо Корридони ²⁾, становится в ряды интервентистов, после чего слагает с себя все функции, возложенные на него социалистической партией.

«Именно тогда он создает газету «Popolo d'Italia,—истинное чудо в области журналистики, превратившуюся сразу в рупор итальянского патриотизма. Поступив добровольцем в ряды армии, сражавшейся против Австро-Венгрии, он выполняет свой долг солдата и гражданина. Будучи ранен, он возвращается в Милан, чтобы на этот раз повести войну против крайних револю-

¹⁾ В Италии, ортодоксальные социалисты, ведущие борьбу с социалистами-реформистами, носили название „официальных“.

²⁾ Вождь итальянских националистов.

ционных партий¹⁾, деятельность которых питалась московским и германским золотом.

«Между тем наступили дни Капоретто. Великое поражение национального оружия не только не привело его в уныние, но, напротив, еще усилило его настойчивость и лишний раз подсказало ему правильность того пути, которым он хотел повести Италию к победе над ее наследственным врагом. С тех пор (т.-е. с октября 1917 г.), против преступного опьянения масс классовой борьбой, мании разрушения, революционных лозунгов и отрицания войны неустанно звучит голос редактора «*Popolo d'Italia*», призывающего к совести и гражданскому сознанию. Вот почему Бенито Муссолини безраздельно принадлежит заслуга внушения итальянцам веры в будущее их страны и необходимость борьбы всеми средствами с ее внешними и внутренними врагами».

Нет надобности останавливаться на дальнейшем жизнеописании Муссолини. С этого момента история его жизни становится общеизвестной: это—история кровавого подавления революционных стремлений трудящихся масс Италии, неслыханного надругательства, при содействии буржуазного правительства, над ее элементарными правами, разнузданной вакханалии и воскрешения средневековой инквизиции в борьбе с «бунтующими рабами». Имя бывшего социалиста Муссолини становится именем, которым пугают своих детей в колыбели итальянские работники и крестьянки, несмотря на тот «идеализм», который нашел в нем Э. Ферри. Мы можем перейти теперь к восторженной характеристике, которой «Вождь» удостоился из уст своего верноподданного Санчо-Пансо:

«Муссолини заслоняет своей фигурой всех наиболее популярных деятелей фашизма, душой, сердцем и мозгом которого он является. Мы уже однажды охарактеризовали его следующими словами: «Самый свободный и сильный из итальянских умов» (курс. Горг.). Вместе с Джиолитти, Саландра, Соннино, Орландо, Меда, Луццати, де-Никола, Турати, Тревес, Модильяни, Бономи, Гаспаротта и немногими другими, он, несомненно, является одним из наиболее выдающихся наших политических деятелей. Он сумел создать стройную, законченную и глубокую доктрину. Удивительный оратор, обладающий исключительным красноречием, могучий агитатор, Муссолини воплощает в себе высшее выражение национального чувства. Он ненавидит скучную риторику, болтунов, лентяев, пессимистов и плутов. Ненавидит предателей Италии и, когда к тому представляется случай, примерно наказывает их. Его великодушие не знает границ. Молчалив. Трудолюбив. Мужественен. Упорен. Последователен в своей

¹⁾ В подлиннике сказано: „*sovversivismo*“, что буквально значит — „подпольщина“. Но так как в Италии под словом „*sovversivo*“ подразумевается всегда „крайне левый“, „революционный“ (например, „*Stampa sovversiva*“—революционная пресса, выходящая в Италии легально), мы везде будем переводить это слово именно так.

кажущейся непоследовательности. Любимец толпы. Страшен в своем гневе. Неизменно верен в дружбе. Неумолим в своей мести. В удаче и неудаче остается одним и тем же. Победа никогда не опьяняет его, поражение не приводит в отчаяние. Он остается юным в лучшем значении этого слова. Он неутомим в своей вулканической деятельности» и т. д.

Исключительную похвалу Горголини воздает ему за то, что он обладает «чувством меры». Об этом он распространяется особенно долго и... утомительно. Он отмечает, между прочим, что в «*Popolo d'Italia*», почти не было помещено им ни одной статьи, в которой Муссолини не призывал бы к порядку и дисциплине «фашистские организации, рассеянные по лицу всей Италии». Весной этого года нам пришлось читать статьи Муссолини в той же газете, стилю которых могло бы позавидовать недоброй памяти «Вече». Так, в конце апреля Муссолини писал: «Если гнусецы из «*Avanti*» не прекратят своей пачкотни о фашистах, мы изобьем их 30 с. мц. на улицах Милана. Из прежнего опыта им должно быть известно, что такие предупреждения с нашей стороны не проходят бесследно». Все, разумеется, зависит от того, что понимать под дисциплиной и организацией? Почтенный капитан, должно быть, приходит в крайний восторг от заранее возвещаемых массовых избиений на улицах какого-нибудь города всех неугодных фашистам лиц, но, разумеется, трудно назвать такое заявление «призывом к умеренности» и т. д. Верно, что Муссолини — хитрый, изворотливый политик, и только в этом смысле разве можно говорить о свойственном ему «чувстве меры». Муссолини прекрасно понимает, что иная умеренная статья, написанная по определенным соображениям для «*Popolo d'Italia*», никого и ни к чему не обязывает, особенно провинциальные банды фашистов, невозмутимо продолжающих избиения, карательные экспедиции и пр. К тому же, Муссолини не раз имел уже случай убедиться в том, что стихия, вызванная к жизни великим ренегатом, не всегда слушается его. Волшебная палочка из центра иногда перестает совершенно действовать. Так было во время перемирия, заключенного Муссолини с социалистами, когда провинциальные организации (всегда более ретивые, чем центр) отказались признать его авторитет и продолжали военные действия против социалистов.

В другом месте Горголини пишет о своем господине:

«Вождь фашизма обладает такой верностью суждения и широтой взглядов, которые позволяют ему работать с огромным числом сотрудников, чувствующих все величие его личности и его обаяния. Властный, настроенный эгоцентрически, он вперяет свой взгляд вдаль и, как бы далека ни была цель, упорно преследует ее, пока не осуществляет. Таковы черты всех великих вождей и политических деятелей человечества, каких только знала история. Александр Македонский, Ганнибал, Цезарь, Ришелье, Карл V, Густав-Адольф, Фридрих II, Кромвель, Наполеон, Бисмарк, Питт, Кавур, Гарибальди, Криспи и Кадорна действовали так».

Великолепно это сравнение Муссолини с Александром Македонским и Цезаря с Луиджи Кадорной, главнокомандующим итальянской армией в последнюю империалистскую войну. Горголини, впрочем, неоднократно возвращается к подвигам Кадорны, превознося его до небес и считая его, на-ряду с Муссолини и д'Аннунцио, третьим выдающимся гением Италии. Обнаружив в этих примерах всю свою историческую эрудицию целиком, Горголини затем пускается в психологическую экскурсию и приходит к следующим выводам:

«Не претендуя на аналитический талант Бурже, мы скажем прямо, что психология Муссолини, на самом деле, гораздо проще, чем выглядит. Муссолини принадлежит к сильным, — вот и все. Он производит на своих последователей (а их теперь целые легионы на всем полуострове) исключительное магнетическое влияние. Он великолепно владеет искусством вести переговоры и приближать к себе людей». Мы опускаем ту часть характеристики, в которой Горголини повествует о личных привычках Муссолини, об его подходе к людям, о том, как он умеет отгадывать их характер, о том, как он работает в своей редакции и как дисциплинировал сотрудников «*Popolo d'Italia*», и т. д., считая это все второстепенным.

Гораздо любопытнее прислушаться к тому, что говорит о Муссолини другой фашистский публицист Сеттимелли:

«С радостным облегчением думаешь о том, что Муссолини, вождю и создателю фашизма, этого мощного движения, всего 37 лет ¹⁾ и что он любит все виды спорта.

С той же изящной непринужденностью, с какой он пишет свои пропитанные аристократической иронией и наполненные удачными парадоксами статьи, он, вдруг, подымается на аэроплане над Миланом, садится в автомобиль, которым сам управляет, или катит куда-нибудь на велосипеде!

Наконец-то! Кажется, что в Италии не может быть больше авторитетных политических деятелей, которые признавали бы иной способ передвижения, кроме носилок! ²⁾.

Как, на зло всем немощным старцам, иметь премьером человека, который может на заседание Совета министров прилететь на собственном аэроплане, им же управляемом!

Тридцать семь лет. Еще двадцать лет интенсивной политической деятельности впереди. Кто сможет измерить взлет его орлиных крыльев?»

Читатель, может-быть, остался недоволен столь длинными выписками, но мы не считаем возможным пройти мимо этого портрета вождя фашизма, нарисованного его собственными учениками. Характерен этот культ силы, которого не скрывают

¹⁾ Писано два года тому назад.

²⁾ Несомненный намек на престарелого 80-летнего Джованни Джолитти, особенно ненавистного итальянским фашистам из-за его нейтралистской позиции во время войны.

фашистские публицисты. Здесь есть кое-что от Ницше, а еще больше от войны,—с ее преклонением перед грубой физической силой, дисциплиной, презрением к слабости и старости. «Должны выжить наиболее сильные, выносливые, беспощадные, наилучше приспособляющиеся» — таков лозунг, вынесенный из опыта войны капитанами Горголини и Сеттимелли и перенесенный ими в свою... политическую доктрину.

Любопытны и сопоставления фашизма с социализмом, попадающиеся на каждом шагу в писаниях обоих биографов. На них стоит остановиться.

«В общем Муссолини, — пишет Горголини, — не против социализма, который стремится к постепенному и медленному завоеванию больших прав и лучших условий существования для масс. Его социализм очень близок к социализму Сореля. Он ненавидит только демагогизм первых встречных вождей. Муссолини, на самом деле, придает огромное значение классовому синдикальному движению, рассматривает его, как самоцель и как дополнение к политической борьбе, но он всеми силами восстает против надежд и стремлений пролетариата захватить в свои руки власть при помощи революции... Для Муссолини в сущности настоящим социализмом является то рабочее движение, которое, возникая само по себе, направляется против демагогов и ханжей. Его социализм скорее всего приближается к индивидуализму, волюнтаризму или спиритуализму, но ни в коем случае не к марксистскому социализму. Интервентизм, т.-е. другая концепция и оценка войны, отделил и отделяет в настоящее время Муссолини плотным барьером от его прежних товарищей».

Таков духовный портрет Муссолини. «Ненависть к демагогам» из числа его прежних товарищей для политического ренегата всегда является лучшей формой демагогии на его новом поприще. С тем, что представляет собою нынешний «муссолинианский социализм», мы познакомимся непосредственно по его политическим выступлениям на новом поприще, принесшем ему славу Ганнибала и Питта одновременно. Торжественная речь, произнесенная в Удине на-днях, когда писалась эта книга, — высшее проявление необычайной самоуверенности, дерзости и фанфаронства этого печального рыцаря XX века, претендующего указать новые исторические пути Италии.

VI.

Образование фашистской партии — программные выступления Муссолини.

В марте 1919 г. в Милане состоялся первый съезд фашистов, положивший начало их объединению.

Все три резолюции, принятые на миланском совещании, свидетельствуют о том, что инициаторы движения вышли на арену борьбы исключительно с патриотическими лозунгами. В них нет ни слова еще о подавлении большевистской заразы, идущей с Востока. Краеугольный камень всех дебатов: оскорбление национальных прав Италии, необходимость великодержавной политики для Италии и предательство со стороны союзников.

Приводим эти постановления.

Первое.

«Собрание 23 марта почтительно склоняет свою голову и отдает свою дань беспредельного благоговения памяти сынов Италии, павших на поле битвы за величие их родины и свободу Мира, раненым и инвалидам, всем бойцам, бывшим военнопленным, всем выполнившим свой долг, и объявляет о своей готовности энергично поддерживать все требования морального и материального порядка, которые будут пред'явлены союзами бывших участников войны».

Второе.

«Собрание 23 марта заявляет, что оно намерено противиться империалистическим стремлениям других народов, идущим во вред Италии, а также,—в случае, если он возникнет,—итальянскому империализму, направленному во вред другим народам, и присоединяется к высшему лозунгу Лиги Наций, предусматривающему самостоятельность последних. Для Италии национальная неприкосновенность может быть осуществлена лишь путем удовлетворения ее требований в Альпийской области и на Адриатическом море, т.-е. присоединения к ней Фиуме и Далмации».

Третье.

«Собрание 23 марта призывает всех фашистов саботировать всеми доступными средствами кандидатуры нейтралистов всех партий»¹⁾. В последующих главах мы ознакомимся с первыми стихийными выступлениями фашистов в провинции. Мы увидим, что они возникли в различных местах и по различным поводам. Но колыбелью, в которой зародилось впервые «организованное» фашистское движение, является Милан, — и только что приведенные постановления, датированные 23 марта 1919 г., являются первым «теоретическим» лепетом этого зловещего движения.

Замечательно, что даже в 1921 г., — после того, как фашизм обнаружил уже почти повсюду в Италии — в городе и деревне — свою истинную классовую физиономию, — Муссолини с изумительным шарлатанством старается скрыть ее от широких трудящихся масс, драпируясь в тогу защитника национальных интересов родины и только мельком упоминая в своей речи о первых столкновениях с «итальянскими большевиками». В эту пору приходится искать между строк выявления истинно-классовых вождельний фашизма.

Программная речь, произнесенная Б. Муссолини в Болонском коммунальном театре в 1921 г., в свое время сильно на шумела, — и ее стоит привести полностью как для ознакомления с агитационными приемами Муссолини, так и для уяснения себе «парадной» стороны фашистской программы.

«Как зародился, — спрашивает Муссолини, — этот фашизм, вокруг которого переплетается столько ненависти, мести, непонимания и симпатий? Он зародился не только в моем уме или сердце, он зародился и не на том нашем собрании, которое состоялось в марте 1919 г., — в одном из маленьких помещений Милана. Его корни в глубокой, извечной потребности, кроющейся в нашем арийском происхождении, которая почувствовала вдруг угрозу со стороны трагического безумия и нелепой легенды, рушившейся в том месте, где она зародилась»²⁾.

«Тогда мы почувствовали кое-что, — мы, которым никогда не была к лицу роль кающихся Магдалин; мы, всегда возвышавшие голос в защиту интервенции, сумевшие победить в памятные дни 15 года; мы, никогда не стыдившиеся того, что сумели разбить Австрию на Пиаве и довершили, затем, ее поражения в Витторио Венето; мы, стремившиеся к победоносному миру; мы, почувствовали, несмотря на всю экзальтацию победы, что долг наш не выполнен до конца, — и я сам почувствовал это в отношении себя. Между тем, на каждом перекрестке теперь говорят о том, что моя миссия

¹⁾ „Нейтралистами“ в Италии называли всех противников вмешательства Италии в войну. Они имелись не только среди социалистов, но и среди радикалов, клерикалов и пр.

²⁾ Намек на „крушение большевизма“.

и миссия моих сторонников уже выполнена целиком. В мае 1915 г., когда боевые ячейки революционеров проповедывали на всех дорогах, площадях и улицах Италии свой доморощенный нейтралитет, говорили: «У Муссолини нечего больше сказать народу». Но когда пришли печальные, трагические дни Капоретто, когда Милан облекся в траур и каждому было ясно, что если австрийцы прорвутся и займут город, то ровно через пять дней наступит конец всей Италии, — тогда мы все почувствовали, что за нами еще остается слово. Когда затем пришла Победа, — и на другой день после нее образовалось — более или менее демократическое — течение в пользу отказа ¹⁾, намеревавшееся ампутировать нашу Победу, мы, фашисты, с полным мужеством и совершенно открыто объявили себя империалистами и противниками отказа. В театре La Scala мы дали первый бой нашим противникам, в январе 1919 г. Что же случилось? Случилось так, что мы победили, победили за всех, пожертвовав для этого цветом нашей молодежи, — а затем различные ростовщики и грабители стали предъявлять нам свои счета. И в то время, как мы боролись за священные права нашего отечества, в Италии нашлись такие демократы, весь демократизм которых состоит в том, чтобы обслуживать чужой империализм, отказываясь от собственного. Они бросали нам самые нелепые обвинения только потому, что, по нашему убеждению, северная граница Италии должна доходить до Бреннера, — и она будет там до тех пор, пока будет течь кровь в жилах хотя бы одного итальянца. Мы настаивали на том, чтобы восточная граница Италии достигала Невоза, ибо, по нашему мнению, это и есть естественная граница нашей родины, ибо мы не могли оставаться глухими к борьбе за Фиуме, ибо мы глубоко чувствуем жизненность уз, связывающих нас не только с итальянцами Зары, Рагузы и Каттаро, но и с итальянцами кантона Тессино ²⁾, даже с теми итальянцами, которые не желают быть ими, с итальянцами Корсики, с итальянцами, живущими по ту сторону океана, с этой огромной семьей в 50 миллионов человек, которую мы хотим объединить под эгидой общей расовой гордости. Перед нами уже налицо первые стычки, обнаруживающие наступление фашистов. 16 февраля Милан наблюдал картину паники трусливой буржуазии перед лицом 20 тысяч большевиков, преклонившихся перед Лениным и заявивших, что большевистская революция неизбежна».

Эта речь Муссолини представляет тот интерес, что рисует нам наиболее характерный, переходный период итальянского фашизма, когда уже сами вожди и идеологи его поняли, что удержаться

¹⁾ В первый период фашистского движения, когда все его программные стремления укладывались в форму требования „неврезанной“ победы, — т. е. настаивания на удовлетворении полностью национальных требований патриотов, — фашистская терминология разделила всех политических деятелей на две школы: *rinunciatori* (сторонники отказа от этих притязаний) и *antirinunciatori* (фашисты).

²⁾ Итальянский кантон Швейцарии.

исключительно на платформе внешней политики и требований национального характера фашизм больше не может. Они почувствовали, что пришел момент, когда надо расширить платформу, присоединив к ней требования внутреннего характера. В самом деле, внешняя политика не делается на фабриках, заводах, фермах и школах.—Если бы, по самой сущности своей, фашизм мог удержаться в границах внешней политики, он мог бы добиваться осуществления своих империалистских домогательств путем конструирования политической партии или фракции в парламенте, которая оказывала бы давление на внешнюю политику правительства, на его взаимоотношения с другими странами, на ту или иную позицию Италии в Верховном Совете, Лиге Наций, на международных дипломатических конференциях. В самом начале фашизм так и действовал. Мы видели, как скромна была платформа миланского совещания 1919 г. В сущности, эта платформа представляет собою не что иное, как попытку объединить, оформить движение бывших участников войны, инвалидов и т. д. Такое движение существует не только в Италии. Организации бывших участников войны имеются почти во всех крупных европейских странах; время от времени созываются международные конгрессы этих организаций. Но, поскольку это движение остается на платформе профессиональных интересов широких солдатских масс, вовлекаемых буржуазией в войны, оно либо превращается в резко-антимилитаристское движение, как, например, французский «А. Р. А. С.»¹⁾, либо вырождается в незначительные и мертворожденные патриотические организации. И в том, и в другом случае,—оно не оказывает почти никакого влияния на политическую жизнь данной страны.

Судьба итальянского фашизма оказалась несколько иной.

В первый период,—под влиянием шумной и энергичной деятельности интервентистов,—оно из скромного профессионального движения бывших участников войны (см. все 3 резолюции Миланского совещания 1919 г.) превратилось в национально-патриотическое движение, об'явившее войну «слабовольной» и «преступно-нейтралистской» политике итальянского правительства и требовавшее полного удовлетворения всех национальных стремлений «Великой Италии». Слова «Нация», «Победа», «предательство союзников» не сходят с уст Муссолини. Его друзья потрясают при каждом случае древком, на котором колышется знамя «итальянского Фиуме». Они сначала превозносят до небес д'Аннунцио. Они устремляют свои взоры на итальянские кантоны Швейцарии, где бедные и скромные *ticinesi*, по большей части занятые тяжелым трудом каменотесов и землекопов, никогда и не помышляли о присоединении к Италии. Казалось, все взоры вождей и основателей фашистского движения устремлены на внешнего врага и прикованы к границам Ита-

¹⁾ Инициалы французского „Союза бывших участников войны“.

лии. Их меньше или почти совсем не интересуют внутренние дела Италии. Они ненавидят только ту часть социалистов, которая высказалась против вмешательства в войну, но они готовы идти с социалистами, синдикалистами и даже анархистами, если бы те признали войну и неурезанные требования в области внешней политики. В эту пору они любят кичиться своим либерализмом в социальных вопросах и даже кичиться своим синдикализмом à la Сорель. Они, напротив, бичуют аграриев и ту часть буржуазии, которая была прогив войны. Они относятся почти безразлично к политическим формам итальянского правительства. В ту пору у них почти нет никаких разногласий с националистами и они готовы заигрывать с республиканцами. И это вполне понятно,—особенно, если понятие «безразличия» мы заменим откровенным политическим оппортунизмом. Фашисты, не помышляя еще в то время о захвате не только правительственного большинства, но и меньшинства в свои руки, готовы были блокироваться по разным вопросам с любыми политическими элементами, которые поддержали бы их великодержавную внешнюю политику.
